

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

**А. В. Дахин,
А. С. Макарычев**

Экспертное сообщество
Нижегородской области: Опыт
структурного участия в публичной
политике.

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Dahin_Mak.pdf

Перепечатка с сайта центра «Стратегия»
<http://strategy-spb.ru>

URL:<http://www.civisbook.ru>

А. В. Дахин,

А. С. Макарычев

Экспертное сообщество Нижегородской области: Опыт структурного участия в публичной политике. Аналитический обзор

Вводные замечания

Центрами публичной политики (ЦПП) мы будем называть социальные институции или иные организованные группы людей, которые вовлечены в публичную политическую активность в качестве *интеллектуального субъекта*. Наличие интеллектуального субъектного начала является принципиально важным для ЦПП, это его ключевой «социальный ген». Благодаря ему ЦПП обладает внутренней самостоятельностью и свободой действий (при этом мера самостоятельности и свободы может быть различной). Отсутствие субъектного начала превращает институцию или группу активистов в «объекты» или в «средства» публичной политики других субъектов, и в обоих случаях лишают их способности быть «центром», то есть самостоятельной точкой конституирования публичного политического пространства.

Вовлечённость в региональную публичную политику может быть либо основной, *профильной* формой активности социальной институции (или организованной группы), либо побочной, *непрофильной*

деятельностью, своего рода «работой по совместительству». Первый случай мы рассматриваем в качестве строгого критерия идентификации ЦПП, а во втором говорим о том, что некий социальный субъект осуществляет отдельные функции ЦПП, и он лишь в определённых ситуациях проявляет себя в качестве ЦПП. Далее, публичную политику можно понимать как через «*policy*», так и через «*politics*». В первом случае в видовую рамку ЦПП попадёт множество институций и объединений различной отраслевой и тематической направленности (экологические, правозащитные, феминистские, автомобилистские и пр.). В случае с «*politics*» в поле зрения попадают только социальные субъекты, специализирующиеся на участии в системе властных отношений.

Кроме того, в публичной политике мы выделяем два базовых структурных поля, вовлечённость хотя бы в одно из которых делает социального субъекта центром публичной политики: одно поле – это медиа-дискурс, физическим носителем которого являются, прежде всего разнообразные СМИ; другое – это поле публичного политического действия, носителем которого являются массовые движения, объединения, политические партии. *Универсальный* ЦПП относительно равномерно вовлечён в активность обоих полей публичной политики; в противном случае, если ЦПП вовлечён преимущественно в активность одного из полей, мы говорим о *специализированном* ЦПП.

Макроструктурные характеристики региональной активности ЦПП

Макроструктурные измерения региональной политической экспертизы обусловлены неизбежной встроенностью Нижегородского региона в контексты общероссийской политической атмосферы. Федеральная политика всегда задавала набор «постоянных» политических величин, которые подстраивают под себя базовые региональные политические процессы. Соответственно, смена климатических периодов федеральной политики оказывает структурирующее и институциональное влияние на изменение рисунка региональной политической активности, на изменение режима работы региональной политической машины. А от конструкции политического процесса, от его структурного устройства, как нетрудно показать, напрямую зависит количество и качество социальных функций, социальных дислокаций, социальных миссий и ролей, которые доступны для политического эксперта. Вполне определённо можно

говорить о трёх крупных климатических периодах большой политики, которые по-разному настраивали работу регионального публичного политического пространства и по-разному использовали экспертные ресурсы.

Первый период, с которым связано появление пространства публичной политики как такового, - это *период «перестройки»*. Из-за давности лет может показаться, что упоминание его совершенно не актуально, но давайте не будем забывать, что именно в этот период в Нижегородском региональном пространстве публичной политики впервые появился старший научный сотрудник НИРФИ Б. Немцов, а на уровне союза, - например, фигура А. Собчака, образ которого совсем недавно использовался при конструировании публичного имиджа В. Путина. «Перестройка» распахала вокруг закрытой номенклатурной коммунистической системы государственного управления два фундаментальных поля публичной политики: а) пространство медиа-дискурса и б) пространство публичного политического действия.

Знаковым определением первого стало слово «гласность», за которым в нашем аспекте стоит очень своеобразный процесс вовлечения в широкий публичный дискурс целого ряда экспертных групп. Новыми «говорящими головами» и «золотыми перьями» стали историки (как, например, А. Ципко), социологи (как, например, Т. Заславская), экономисты (как, например, Г. Попов). Они буквально оккупировали союзную медиа-аудиторию, приковав к себе внимание даже самых отдалённых регионов Средней Азии. Региональный *политико-идеологический* медиа-дискурс, как часть формирующейся публичной политики, в этот период почти отсутствовал, не был нужен, так как всё самое важное и интересное происходило только в одном месте - в Москве.

Иначе формировалось пространство публичного политического действия. Знаковым термином стали здесь слова «неформалы», «неформальные движения». В Нижнем Новгороде всё начиналось с более-менее организованных локальных форм протеста по неполитическим поводам. Так, известный ныне в городе правозащитник Станислав Дмитриевский практически в одиночку боролся в 1997-99 гг. за сохранение исторической деревянной застройки на ул. Студёной, что в центре Н.Новгорода. Чтобы защитить деревянные постройки от сноса он разбил на чердаке палатку и жил в ней около полугода, в т.ч. зимой. А Борис Немцов в это время встал во главе городских движений,

протестовавших сначала против строительства метро в верхней части Н.Новгорода, а затем – против строительства атомной электростанции вблизи города. Противники строительства метро оцепили площадь Горького, – предполагаемое место строительства станции, – живым кольцом, чем остановили начало строительных работ. Последние два движения спровоцировали активную публичную дискуссию, в центре которой оказались вопросы технико-технологического совершенства предлагавшихся властями проектов АТЭС и метромоста через реку Оку. Впервые региональный медиа-дискурс был организован с участием экспертов, специализированных на предмете дискуссии. Впервые местное телевидение стало показывать дебаты специалистов, отстаивающих полярно противоположные профессиональные точки зрения. Ярким спарринг-партнёром Б. Немцова на телевизионной площадке стал, в частности, тележурналист Г. Молокин.

Конечно, никаких центров публичной политики здесь не было, но два структурных поля публичной политики определились достаточно чётко. Поле медиа-дискурса было централизовано вокруг Москвы, поле публичного политического действия – децентрализовано; первое концентрировало экспертные ресурсы почти без каких-либо примесей, второе – преимущественно концентрировало ресурсы стихийных городских движений, которые в той или иной форме лишь опирались на профессиональное экспертное участие. Из этой простейшей структурной «монады» берёт начало более сложная структурная оснастка региональной публичной политики следующего климатического периода – периода демократической трансформации власти 1991-1999 гг.

В период демократической трансформации власти 1991-1999 гг. внутренние пространства названных, аморфных первоначально, полей публичной политики стали активно структурироваться. В поле публичного медиа-дискурса стал формироваться *рынок политической рекламы*, а в поле публичного политического действия – *рынок политических технологий*. Институциональной основой обоих процессов были всенародные выборы, которые в период 1992-1999 гг., выстроились в отдельный поток базового регионального политического процесса: количество выборных государственных должностей было настолько велико, а календарь выборных циклов был настолько хаотичным, что на уровне регионов выборы превратились в непрерывный процесс.

Становление обоих рынков в Нижегородской области вызвало к жизни первое поколение центров публичной политики, «революционный»

характер которых обеспечивался близостью к новой региональной власти. Они обеспечивали экспертно-организационное сопровождение публичной политики региональных демократов. Первым таким центром стал Фонд «Выбор», созданный при непосредственном участии Б. Немцова, руководителем которого был Г. Молокин. Офис фонда размещался в здании областной администрации. Фонд активно участвовал в сопровождении региональных предвыборных проектов губернатора Немцова 1993-1995 гг., а также в планировании и организации отдельных акций и проектов в сфере публичной политики. В частности, он участвовал в подготовке и реализации открытого конкурса на замещение должностей в администрации губернатора в 1993 г. Конкурс был интересен тем, что был ориентирован на интеграцию региональных экспертных ресурсов из вузовской среды в структуры областной администрации. Знаковой фигурой этих событий слал профессор, доктор экономики В.Д. Козлов, который организовал и возглавил Департамент экономики и прогнозирования, выполнявший роль внутреннего экспертного и проектного центра областной администрации.

Фонд «Выбор» выполнял также и роль коммуникатора областной администрации с внешней экспертной, прежде всего, университетской средой, которая также начала претерпевать структурно-институциональные изменения. В частности, с 1993 г. стали появляться негосударственные общественные организации, объединявшие в своём составе политических экспертов. Авторы этих строк были в числе инициаторов и активных участников работы Нижегородского исследовательского фонда (НИФ), который был организован в Нижнем Новгороде в 1992 г. В партнёрстве с Фондом «Выбор» и с Департаментом по связям с общественностью областной администрации реализовал НИФ в с октября 1993 по май 1994 г. программу теоретических семинаров под общим названием «Проблемы региона: фундаментальные и прикладные исследования». Цель программы была сформулирована так: «с междисциплинарных позиций теоретически осмыслить те условия и те возможности региона ..., которые обеспечивают стабильные ритмы его жизнедеятельности, а также в том, чтобы разработать на этой основе комплекс параметров региональной жизни, которые необходимо принимать во внимание при принятии управленческих и политических решений»¹. Состав редакторов показателен, так как объединял

---

¹ Регион в политической системе России. Информационный бюллетень □ 1 / Дахин А.В., Чичагов П.К., Лысов В.И. — ред. Н.Новгород: Фонд «Выбор». 1993. С.3.

представителя академического экспертного сообщества (А. Дахин), представителя Фонда «Выбор» (П. Чичагов) и представителя областной администрации (В. Лысов). Интересен и состав авторов первого экспертного издания, предназначавшегося для диалога с новой региональной политической элитой (тираж издания – 200 экз.): доктор философии, профессор В.Я Израитель (отец С.В. Кириенко), А.П. Клемешев (в то время зам. директора НИИ комплексного изучения регионов при Калининградском государственном университете), В.Т. Томин (проф., доктор юридических наук Нижегородской высшей школы МВД РФ), а также эксперты НИФа, другие представители университетской среды. В итоге в рамках названной программы было выпущено пять информационных бюллетеней. Кроме того, Фонд «Выбор» привлекал внешних экспертов для выполнения аналитических работ по заданиям областной администрации (Фонд финансировал такого рода работы). В частности, авторы этих строк были участниками экспертизы организационно-функционального устройства областной администрации 1994 г., результатом которой были рабочие рекомендации по оптимизации её оргструктуры.

Принципиально важным для структурно-институциональной организации регионального публичного пространства было создание в регионе двух частных региональных телекомпаний – ТК «Волга» и ТК «Сети-НН». Проекты были поддержаны губернатором Б. Немцовым в самом начале его работы в этой должности. На протяжении всего десятилетия 1990-х присутствие этих телекомпаний на региональном медиа-рынке активно стимулировало публичную активность региональных политических экспертов и формировало яркие образы телевизионных публицистов. В то время, когда на первом федеральном канале «блистал» информационным киллерством С. Доренко, в регионе работали свои популярные ведущие информационно-аналитических программ. На каждом частном телеканале – свои. Комментарии представителей экспертной среды и экспертных центров, активно участвующих в публичной политике стали нормой. При этом каждый канал взаимодействовал со своим кругом экспертов. Таким образом, структурная организация регионального телевидения косвенно стимулировало расширение числа вовлечённых в публичную политику политических экспертов.

Существенной особенностью регионального медиа-дискурса стало то, что политические процессы, отношения и события стали отдельным,

специальным объектом телевизионной журналистики. Поэтому политическая экспертиза развивалась в регионе во многом за счёт спроса со стороны СМИ. Аналогичную роль играла и региональная пресса: ряд крупных региональных газет, такие, как «Биржа» (частная газета), «Нижегородские новости» (учредитель – Законодательное собрание области) активно предоставляли свои страницы представителям политологического экспертного сообщества региона. Благодаря этим обстоятельствам «политолог» стал восприниматься в качестве неотъемлемого атрибута регионального политического медиа-дискурса.

В 1993 г. в области было создано Нижегородское отделение ЭПИЦЕНТРА – достаточно известной в то время в России экспертной организации, возглавлявшейся Г. Явлинским. В этот период команда Явлинского вместе с командой Немцова работала в Нижегородской области над стратегией развития региона, получившей название «Пролог». Нижегородский ЭПИЦЕНТР стал первым ярким центром региональной публичной политики, который действовал непосредственно в среде принятия политических решений и был включён в федеральные политические процессы (просуществовал до 1995 г.).

Следующей областью «кристаллизации» стал рынок политического консультирования. В 1995 г. один из авторов этих строк констатировал: «Рынок политического консультирования в Нижегородском регионе находится в зачаточном состоянии, несмотря на бурно протекающую в чисто событийном отношении политическую жизнь. По ходу декабрьской кампании (выборы губернатора области 17 декабря 1995 г. – А.Д., А.М.) по сути лишь одна команда специалистов (политолог С. Спицин, психолог А. Жмыриков и журналист В. Ионов) публично заявили о себе как действующей группе политических консультантов. Эксперты той или иной квалификации, конечно, были у многих консультантов, но большинство из них предпочитали не афишировать свои услуги и действовали закулисно»². К 1996 г. в этом секторе публичной политики региона стали активно работать группы известных к тому времени федеральных центров политического консультирования, таких, как Никколо-М, Имидж-Контакт и др. Постепенно сформировался ряд

---

² Макарычев А.С. Технология предвыборной кампании и политическое консультирование: электоральная стилистика, риторика и средства коммуникации с избирателями // Нижегородские выборы – 95: новые тенденции и старые уроки. (Материалы теоретического семинара). Н.Новгород: ВВАГС. 1996. С. 64.

региональных коммерческих организаций, которые специализировались на оказании интеллектуальных и политтехнологических услуг на выборах.

Наконец, в структуре нижегородских вузов начали возникать центры и институты, частично воспроизводившие модели деятельности американских think-tank. Этот процесс стал ответом академического экспертного сообщества на новые возможности, которые предоставлял политический рынок, а также «рынок» исследовательских грантов.

В целом в период демократической трансформации коммуникация между экспертным академическим сообществом и новой региональной властью переживала известный расцвет. Между ними установилось активное поле многоканальных и разноуровневых взаимодействий, поле, структурно-функциональная организация которого была связана с деятельностью институционально оформленных экспертных групп. Катализатором всех процессов, как уже отмечалось, явился институт выборов. Другим катализатором, хотя и более слабым, был интерес власти к экспертной поддержке принимаемых к исполнению программ, проектов, стратегий. Кроме того, важно подчеркнуть, что разнообразие региональных политических акторов (политическая конкуренция³) и разнообразие каналов коммуникации власти с экспертным сообществом в этот период были благоприятной почвой для формирования диверсифицированной региональной сети центров, принимавших на себя отдельные функции ЦПП.

С известной долей схематизма можно заключить, что институции, игравшие роли, свойственные центрам публичной политики, имели разные облики и миссии в зависимости от того, какое место занимали они в рамке отношений «власть – вузы». Полностью интегрированный в структуру областной администрации упомянутый Департамент экономики и прогнозирования частично играл роль центра публичной политики, поскольку его директор, некоторые ведущие специалисты были активными участниками регионального медиа-дискурса. Нижегородское отделение ЭПИЦЕНТРА не было интегрировано в структуру областной администрации, но было частью новой политической элиты и поэтому активным субъектом публичного политического действия. Однако, функции центров публичной политики носили для такого рода институций вторичное, периферийное значение. Приоритетным было участие в корпоративных процессах внутри системы власти. На

---

³ Дахин А.В. Трансформации региональных элит (На примере Нижегородской области) // ПОЛИС. 2003. □ 4. С.108-119.

университетском полюсе формировались организации, которые также осуществляли отдельные функции, свойственные центрам публичной политики: активно участвовали в региональном медиа-дискурсе, участвовали в политическом консультировании и политтехнологическом сопровождении выборов и т.п. Но для них это также были задачи «второго ряда», работа «по совместительству». Приоритеты их оставались, как правило, в академической среде, в академическом дискурсе. Специализированных на политических (politic) процессах центров региональной публичной политики, так чтобы именно это направление деятельности было для них приоритетным, в Н.Новгороде не сложилось. В отличие от этого в ряде других сфер публичной деятельности такие центры всё-таки возникли. Например, сфере экологии – экологический центр «Дронт», в сфере социальной работы – Ассоциация «Служение» и т.п.. Если же «политику» трактовать как «policy», тогда именно эти, неполитические организации можно назвать полноценными региональными центрами публичной политики, возникшими в этот период.

Следующий, третий климатический период российской политики – 2000 – 2008 гг. – с известной долей условности можно определить как период консервативной трансформации власти. Противопоставляя период «демократический» «консервативному», мы имеем в виду и то соотношение, которое эти понятия имеют в американской публичной политике. На уровне направляющих метафор такое сопоставление возможно, поскольку именно в этом ракурсе контрастируют между собой десятилетие Клинтона – Ельцина и десятилетие Буша – Путина. Политика В. Путина с самого 2000 года достаточно заметно была заряжена институциями американского консерватизма, конечно же, с неизменной русской спецификой. Её генеральный вектор, как теперь становится всё яснее, нацелен на создание новой номенклатурной системы власти. Путинская номенклатурная система уже теперь, в 2006 г., охватывает как политические (ключевые должности в публичной политике), бюрократические (ключевые должности государственного аппарата), так и «хозяйственные» должности, мы имеем в виду руководящие посты хозяйствующих субъектов, определённых в реестр стратегически значимых (прежде всего, энергетическая сфера, производство вооружения). Это обстоятельство кардинально отличает политическую атмосферу 2000 – 2008 гг. Как «большое мыслящее» политическая система России находится в активной фазе

феноменологического транзита⁴. Это означает активное ментальное (на уровне менталитете власти) отделение организма государственной власти от организма гражданского общества. В процессе этого отделения происходит сокращение каналов коммуникации по оси «государственная власть — гражданское общество», а значит и по оси «власть — общественная экспертиза».

2000-2004 гг. прошли под знаком деполитизации публичного пространства, когда место дискурса политического стал занимать дискурс технологический. В устах Президента Путина высшие ценности политики определяются не в терминах «демократия — коммунизм», а в терминах «эффективность — неэффективность», «успешность — не успешность». На строении базового политического процесса в регионе это изменение сказывается, прежде всего, через перемену режима работы института выборов. В эти годы он осознаётся властью как источник угроз⁵, а потому организационно адаптируется под запросы новой номенклатурной системы и сознательно деполитизируется.

Соответственно, достаточно динамично реорганизуется медиа-дискурс и достаточно динамично реорганизуется сфера публичного политического действия. Знаковыми федеральными событиями, отмечающими направленность процесса в сфере медиа-дискурса являются изгнание из медиа-бизнеса Гусинского и Березовского в самом начале 2000-х гг. и изгнание из телеэфира Парфёнова и Романовой в 2005 г. Реорганизация сферы публичного политического действия происходит посредством специфического демпинга на политическом рынке. Обвал политического рынка происходит по такой же примерно модели, по какой несколько лет назад обваливались региональные газетные рынки, не выдерживая давления массы бесплатных предвыборных материалов, имитирующих формат газеты. В 2000-2004 гг. сужение пространства публичного политического действия достигалось посредством «упаковки» его под знамёна «Единой России». В 2004-2005 гг. появился ряд организационно-политических проектов, имитирующих массовую активность населения, прежде всего молодёжи («Наши», «Местные»),

---

⁴ Дахин А.В. После Беслана: форсирование феноменологического поворота системы власти в России // Антитеррористические стратегии и внутренняя политика: сравнительный анализ опыта России и США. /А. Макарычев — ред. Н.Новгород: «Профессионалы за сотрудничество», Айрекс. 2005. С.29-42.

⁵ Дахин А.В. Институт выборов в России: бинарная структура, демократия, безопасность // Региональные политические процессы в свете моделей устойчивого развития: россиеведческие и компаративные аспекты. Н.Новгород: НИЦ СЭНЭКС. 2005. С.56-61.

которые разрушающе влияют на естественную коллективную гражданскую идентичность россиян центральных регионов России. В результате публичное политическое действие отрывается от «нормального человека», переносится в какое-то странное, полуреальное пространство, с которым нет связи. В ситуации такого разрыва эксперт стоит перед выбором: оставаться «нормальным специалистом» и оказаться за пределами публичного политического действия, или стать «нашим», «местным» или «едросом» и тем самым остаться в гуще политического процесса. Парадокс таков, что том и в другом случае миссии центра публичной политики становятся почти невыполнимыми. «Нормальному специалисту» остаётся работа «в стол», что равнозначно молчанию, а «наш» или «едрос» обязан интегрироваться в централизованную протономенкратурную машину, делать что говорят и ... тоже молчать. Макроструктурное влияние политического климата России 2004-2008 гг. таково, что ЦПП погружаются в полосу молчания. На региональном уровне эти процессы сказались затуханием местных звёзд информационно-аналитического вещания, постепенным свёртыванием каналов коммуникации по оси «власть – экспертное сообщество».

Особенность Нижегородской области 2000-2005 гг. состояла в том, что аппарат полпреда Президента РФ в ПФО активно поддерживал неполитические программы публичной активности. Одним из ключевых акторов в этой сфере стал Центр стратегических исследований (ЦСИ), созданный П. Щедровицким при активной поддержке С. Кириенко. После Нижегородского ЭПИЦЕНТРА ЦСИ стал вторым крупным ЦПП, включённым как в региональные, так и в федеральные политические процессы. Несколько выпущенных коллективом ЦСИ ежегодных аналитических докладов по различным аспектам современной государственной политики носили подчёркнуто экспертно-технологический характер. С участием ЦСИ были запущены такие межрегиональные публичные проекты, как «Золотой кадровый резерв», «Культурная столица», «Ярмарка социальных проектов», «Ильинская слобода», «Нижний – столица ПФО». Названные проекты организовывали вокруг себя часть региональных экспертных центров и экспертных групп. К 2005 году названные проекты вошли в режим самостоятельной активности, опираясь в основном на поддержку аппарата полпреда С. Кириенко. А последним ярким эпизодом публичной политической жизни стала эпопея с назначением нового губернатора Нижегородской области в 2006 г. Поскольку вокруг поста губернатора

боролись несколько крупных лоббистских сил, постольку в этот период действовали альтернативные команды экспертов по разработке стратегии развития региона, реализовывались альтернативные региональные информационно-аналитические медиа-проекты, политические эксперты активно вовлекались в региональный медиа-дискурс. Однако после наделения полномочиями губернатора В. Шанцева, после смены фигуры полпреда Президента РФ в ПФО федеральная политическая атмосфера окончательно достигла пределов Нижегородской области. Деполитизация приводит к преобразованию публичного политического медиа-дискурса в политическую самопропаганду власти. Активные отношения журналистского сообщества с политическими экспертами свёртываются за ненужностью, отношения партий и предвыборных штабов кандидатов с политическими экспертами свёртываются за ненужностью, отношения городской и областной администраций с политическими экспертами также свёртываются за ненужностью. Поэтому те организации, которые до недавнего времени активно принимали на себя отдельные функции центров публичной политики (politics), постепенно оказываются предоставленными сами себе, сосредотачиваются на академических студиях. По-видимому — это и есть реальная современная тенденция изменения активности ЦПП в регионе.

Институциональные характеристики политической экспертизы в регионе

Возникновение института политической экспертизы в регионе мы связываем с процессом формирования зоны публичного анализа на пересечении двух сфер профессиональной деятельности, каждая из которых, в принципе, может существовать в автономном режиме. Это: а) научные (академические) исследования, и б) политическое планирование в рамках структур власти (примерно соответствующее англоязычному термину in-house expertise). Именно наложение друг на друга этих двух различных, но потенциально взаимно дополняющих друг друга сфер и даёт эффект в виде феномена публичной политической экспертизы (см. Диаграмму). При этом, естественно, всегда сохраняются ситуации, при которых обе вышеназванные сферы функционируют параллельно и не соприкасаются друг с другом непосредственным образом.

Формированию этой «зоны пересечения» способствует ряд обстоятельств, среди которых два мы отметим в качестве наиболее важных. Это:

а) наличие ситуаций неопределённости, требующих мобилизации экспертных ресурсов. Такие ситуации могут быть связаны с целым рядом обстоятельств — это и структурные факторы федерального уровня (например, перспективы реализации в регионе того или иного федерального закона), и местные выборы, и многое другое;

б) осознание недостатка (дефицита) некоей информации или знаний относительно сути той или иной политической проблемы. К примеру, первый опыт складывания института политической экспертизы в начале 1990-х годов в Нижегородской области был связан с аналитическим осмыслением проблем технопарков и конверсии военной промышленности; затем фокус сместился в сторону изучения перспектив региональной промышленности в свете готовящегося вступления РФ в ВТО, понимания природы нетрадиционных («мягких») угроз безопасности и межэтнических отношений и т.д.

Региональное пространство публичной экспертизы является многоуровневым. Внутри его можно увидеть:

а) индивидуальных исследователей, либо работающих в вузах, либо являющихся выходцами из университетской среды. Есть много примеров того, как отдельные учёные реализуют скорее *индивидуальные*, чем коалиционные стратегии;

б) группы и коллективы экспертов, которые создаются вокруг решения конкретной задачи либо того или иного проекта.

в) организационные структуры (это либо некоммерческие организации, либо университеты);

г) экспертные сети (коалиции) и профессиональные ассоциации, строящиеся по сетевому принципу (например, региональные отделения РАМИ, РАПН и др.).

Четыре сектора экспертного пространства региона

Нижегородское экспертное сообщество претерпевает длительный, сложный, но в то же время естественный процесс внутренней дифференциации. Для его анализа мы предлагаем матрицу, состоящую из двух взаимно накладывающихся друг на друга параметров. Каждый из них представляет собой логическую пару, построенную по принципу

бинарной оппозиции. Параметр, размещённый на *горизонтальной* оси, касается *формы организации* экспертного знания: он разбивает экспертные институты на государственные и негосударственные. Параметр, помещённый по *вертикали*, относится к той *аудитории*, на которую рассчитан экспертный продукт — здесь мы можем говорить о внутренних и внешних потребителях.

Понятно, что пары «*государственный — негосударственный*» и «*внутренний — внешний*» являются весьма условными и содержат в себе существенный элемент упрощения. Мы будем пользоваться ими исключительно в качестве логических категорий, которые помогут придать большую наглядность той схеме, которую мы хотим представить.

	<i>Государственные формы</i>	<i>Негосударственные формы</i>
<i>Внешняя аудитория</i>	<i>1: Университеты, участвующие в международных проектах</i>	<i>2: Проектная деятельность некоммерческих партнёрств и неправительственных организаций, включённых в транснациональные сети</i>
<i>Внутренняя аудитория</i>	<i>3: а) Экспертные «площадки», патронированные политическими субъектами б) «традиционные» вузовские учёные.</i>	<i>4: Проектная деятельность НКО, ориентированная на решение внутренних проблем</i>

К этой схеме необходимо дать пояснения, которые мы хотим разбить на три блока. *Первый* будет касаться формата экспертного продукта, характерного для каждого из четырёх секторов, *второй* — содержательной стороны каждого из секторов, и *третий* — их динамики.

Начнём с описания различных форматов экспертного продукта, которое может быть представлено в виде следующей схемы:

	<i>Государственные формы</i>	<i>Негосударственные формы</i>
<i>Внешняя аудитория</i>	<i>1:</i> Публикация материалов конференций, аналитических докладов, учебных текстов (программ, модулей)	<i>2:</i> Policy Papers, Working Papers, Policy Briefs, Project Newsletters
<i>Внутренняя аудитория</i>	<i>3а:</i> Аналитические справки и записки для лиц, принимающих решения; <i>3б:</i> монографии, учебные пособия, сборники статей, ежегодники, университетские Вестники, тезисы конференций	<i>4:</i> Комментарии и экспертные оценки в СМИ, рекомендации, предвыборное консультирование

Эта схема показывает, что формат экспертного продукта в большей степени зависит от его предполагаемой аудитории, чем от той формы, в рамках которой он развивается. Это наблюдение подтверждается близостью между форматами, помещёнными в сектора 1 и 2: оба ориентированы на внешнюю аудиторию, что и предопределяет их принципиальную совместимость друг с другом. Ориентация на внутреннюю аудиторию предусматривает более широкий спектр экспертных продуктов, которые могут быть рассчитаны на медийный формат, могут иметь учебно-трениговую форму, а могут и быть составлены в жанре практических советов. Это разнообразие демонстрирует значительные возможности, открывающиеся для центров публичной политики, работающие на внутреннем «поле».

Перейдём к содержательным характеристикам каждого из секторов. *Сектор 1* в основном вбирает в себя деятельность государственных вузов, направленную на презентацию её результатов перед зарубежными коллегами или спонсорами. Соответственно, важнейшим элементом этой

деятельности является получение признания в транснациональном масштабе. Примерами могут быть:

→ Серия образовательных проектов под эгидой Свободного университета Берлина. В частности, это проект «Teaching IR Online» (Нижегородский лингвистический университет и, www.ir-online.org), включавший в себя: а) совместное определение основных компонентов курса по теории международных отношений; б) онлайн-дискуссии; в) создание сайта с образовательным модулем; г) взаимное посещение партнёрских университетов консорциума, рецензирование и мониторинг реализации проекта.

→ Серия регулярных семинаров по американистике, проводимых в рамках факультета международных отношений Нижегородского государственного университета при поддержке посольства США;

→ Серия «мастерских» по вопросам безопасности, проводимых в ННГУ и НГЛУ при поддержке НАТО;

→ Нижегородский государственный университет с начала 1990х годов реализует программу студенческого обмена с Коалицией Христианских Колледжей США и Канады;

→ Нижегородская архитектурно-строительная Академия является со-организатором ежегодных Форумов «Великие Реки».

Проблематизация данного сектора возможна в нескольких направлениях. *Во-первых*, сами иностранные партнёры не всегда эффективно используют имеющиеся организационные ресурсы. К примеру, отдельным элементом вузовской среды в Нижнем Новгороде стали иностранные центры. Например, в ноябре 2001 г. правительство Японии открыло в Нижнем Новгороде национальный центр “Страны восходящего солнца”, впервые отступив от своей традиции размещения подобных центров только в городах, имеющих японское дипломатическое представительство. Одновременно в Нижнем открылся и Шведский центр как проект Нижегородского технического университета. Турецкий, испанский, немецкий, австрийский, французский и другие центры, существующие в рамках Нижегородского лингвистического университета, в основном занимаются образовательными и культурно-информационными проектами. Многие из них представляют собой небольшие библиотеки или депозитарии информации, куда время от времени приезжают функционеры из посольств соответствующих стран для анонсирования программ обменов. С нашей точки зрения, миссия таких центров слишком узка и не включает в себя полноценного научно-

исследовательского компонента. Не представлены эти центры и на публичном поле региональной политики: для такой деятельности у центров нет ни ресурсов, ни намерений, в силу чего эффективность их работы не всегда высока. Поэтому сложно найти убедительные примеры того, как центры способствовали бы реализации какого-то социально значимого для всей области проекта.

Второй аспект проблемного поля данного сектора связан с процессом адаптации государственных вузов к работе в международной среде. Ещё на съезде ректоров российских вузов в декабре 2002 г. был заявлен своевременный тезис о необходимости перехода высших учебных заведений к модели научно-исследовательского типа. Известно, что все наиболее престижные университеты на Западе принадлежат к исследовательскому типу, в то время как вузы, выполняющие лишь учебную функцию, куда менее конкурентоспособны. В США, например, престижность университета, в первую очередь, зависит от количества именитых преподавателей, читающих курсы в его стенах, и действующих в них научных школ. Наш опыт показывает, что большинство нижегородских университетов - с их жёсткой административной иерархией и консерватизмом - сложно и медленно адаптируются к таким современным формам организации науки, как международные проекты. Известны случаи, когда работа по проектам не помогает, а вредит карьере вузовских учёных. Ситуации, когда некоторые преподаватели, получая финансирование для своих исследований извне, просят не информировать об этом вузовских начальников, опасаясь их негативной реакции, можно воспринять как тревожные симптомы для этой профессиональной среды.

Наконец, *третий аспект* проблемы касается процессов, происходящих среди самих учёных, работающих в университетах. Университетские учёные не привыкли заниматься презентацией своих достижений, однако для того, чтобы добиться успеха в конкурентном мире международных проектов, это необходимо. Рынок диктует свои нормы, заставляя вузовских учёных приобретать новые качества, включая публичность и умение работать с международными фондами.

Сектор 2 нашей схемы очерчивает пространство деятельности некоммерческих организаций и отдельных исследовательских групп, для которых приоритетом является международное признание и, соответственно, участие в сетевых формах проектного взаимодействия и обмена с иностранными коллегами. *Сетевые отношения* мы

рассматриваем как способ: а) профессиональной коммуникации, неизбежно имеющей транснациональный охват, и б) освоения определённых социальных пространств и управления ими. Ключевыми участниками проектных сетей являются так называемые "когнитивные акторы" (неправительственные экспертные организации и отдельные творческие группы), основной ресурс которых выражается в интеллектуальном капитале и которые функционально настроены на партнёрские отношения с широким кругом международных акторов.

Два концепта можно считать ключевыми для анализа того, как устроен этот сектор. Во-первых, это – «*проектные сети*», под которыми мы понимаем особый вид коллаборативной деятельности в сфере экспертизы, основанной на горизонтальном взаимодействии между несколькими партнёрскими организациями, принадлежащими к различным уровням социальной организации (от субнационального до трансрегионального). Во-вторых, способ функционирования проектных сетей наиболее адекватно выражается понятием «*трансферт знаний*». Комбинация этих двух концептов даёт формулу управления экспертными ресурсами посредством проектной деятельности, которая, как правило, выходит за рамки чисто научного анализа и в той или иной степени предполагает наличие публичного компонента.

В Нижнем Новгороде есть ряд субъектов публичного пространства, которые считают сетевые формы организации наиболее полезными для реализации своих задач: это, прежде всего, неправительственные организации. Политические и административные же структуры начинают апеллировать к сетевым формам тогда, когда власти становится нужен дополнительный социальный ресурс, примером чему могла служить Ярмарка социальных проектов, курировавшаяся в рамках Приволжского федерального округа бывшим полномочным представителем президента Сергеем Кириенко вплоть до его ухода с этого поста в конце 2005 г.

Участники сетевых экспертных отношений, как правило, существенно отличаются друг от друга с точки зрения:

- *стратегий позиционирования*: так, постепенно происходит дифференциация между "техническими" экспертными организациями (примером которых мог быть, скажем, нижегородский филиал Института экономики города) и "центрами публичной политики", в основе деятельности которых лежит некая общественно значимая мега-идея, требующая научного сопровождения (в этом направлении,

скажем, пытается позиционировать себя Центр социально-экономической экспертизы или некоммерческое партнёрство «Русь-Эксперт-Транзит»⁶;

- *источников финансирования*: центры, работающие по грантовым соглашениям с иностранными фондами, получают большую независимость от внутренних политических и экономических структур; в то время как центры, ориентирующиеся на внутренние источники финансирования, вынуждены вступать в сложные переговорные отношения с административными, политическими или бизнес-акторами;
- *форм взаимодействия с лицами, принимающими решения*: есть разница между теми, кто ищет ответы на заранее сформулированные вопросы, и теми, кто самостоятельно предлагают новую "повестку дня".

Сетевые отношения на региональном уровне стимулируются тем, что в Нижнем Новгороде действуют филиалы нескольких международных организаций:

Британский Совет. Его офис включает в себя библиотеку и интернет-центр. В программной деятельности Британского Совета в России Нижегородская область входит в число региональных приоритетов.

Айрекс (*IREX*) - американская организация, имевшая своё представительство в Нижнем с 2002 по 2005 гг. Программы IREX в основном ориентируется на выпускников научных и образовательных программ, побывавших в США.

IATP (Программа доступа к Интернету и тренинга) действует в "сетевом" режиме, выпускает электронный бюллетень, рассчитанный на выпускников программ обмена и содержащий информацию об их текущих проектах, публикациях, мероприятиях и пр. IATP тесно взаимодействует с проектом "Гармония" (*Project Harmony*) на предмет развития в Нижнем интернет-ресурсов, организации тренингов и облегчения доступа к дистанционному образованию.

---

⁶ Римский В., Сунгуров А. "Фабрики мысли, центры демократии и центры публичной политики". В книге: "Фабрики мысли и центры публичной политики: международный и первый российский опыт". Санкт-Петербург: Центр "Стратегия", 2002. Стр. 6-29.

Редакция "*Журнала Евроазиатских исследований*" (*Journal of Eurasian Research*) - финансируется Бюро образовательных и культурных программ Государственного департамента США посредством Американского совета по международному образованию (ACTR/ACCELS). Тематические выпуски журнала выходят 4 раза в год на английском и русском языках.

INCAS - благотворительный фонд, занимавшийся финансированием исследовательских проектов с участием зарубежных учёных (в основном в области естественных и точных наук) просуществовал с середины 1990х годов до 2001 года, после чего был закрыт.

Интерес к Нижнему Новгороду проявляют иностранные фонды и организации, финансирующие в нашем регионе отдельные проекты в определённых сферах:

- *немецкие партийные фонды* (Ф.Эберта, К.Аденауэра и пр.) в основном выделяют средства на проведение семинаров и конференций по различным региональным темам и публикацию их материалов;
- *Московский центр Карнеги* тоже проводит мониторинг региональных политических процессов (особенно выборов) и контактирует с местными регионоведами (в частности, центр Карнеги со-финансировал Третий Всероссийский конгресс региональных исследований, проводившийся Нижегородским исследовательским фондом в Б.Болдино в 2001 г.);
- *Институт "Восток-Запад"* в рамках издаваемого "Российского регионального бюллетеня" регулярно освещает политические события в Нижегородской области через сеть корреспондентов. С 2003 г. фокус этого издания сместился в сторону проблем коррупции и бизнес-элиты.
- *фонд Форда* известен финансированием эксперимента с альтернативной гражданской службой в 2002 г.;
- *ТЕМПУС (TEMPUS)* - программа Европейского Союза, с помощью которой на территории Нижегородской области финансируются как инфраструктурные, так и образовательные проекты (например, проект с участием НГЛУ по совершенствованию менеджмента международных программ);

- Проект "Гражданское образование" (*Civic Education Project - SCOUT*) со штаб-квартирой в Будапеште выдаёт гранты для молодых преподавателей вузов, ранее участвовавших в одной из программ, финансировавшихся США. В состав отборочного комитета СЕР входят эксперты из Нижнего Новгорода, и одно из его заседаний в 2002 г. проходило в Нижнем Новгороде.
- *PONARS* - исследовательская сеть специалистов из США и России, занимающихся изучением новых параметров безопасности. В состав её входит несколько нижегородских учёных, а одна из конференций ПОНАРС состоялась в 2001 г. в Нижнем Новгороде;

Отдельные научно-исследовательские организации, поддерживающие регулярные связи с нижегородскими специалистами в области политической регионалистики: Славянский исследовательский центр (Сапорро, Хоккайдо); Институт изучения Восточной Европы при свободном университете Берлина; университет Роскильде (Дания); Центр изучения безопасности и конфликтов при Цюрихском федеральном институте технологии; Институт передовых российских исследований имени Дж.Кеннана, Вашингтон; Датский институт международных исследований.

Используя терминологию "новой институциональной теории", можно сказать, что каждый из «сетевых агентов», действующих на территории Нижегородской области, развивает свою собственную "организационную культуру", основанную на определённой трудовой этике, репутации и "человеческом капитале". Роль внешних ресурсов состоит в установлении определённых норм, принципов и стандартов в экспертной среде региона, в известном смысле содействующих формированию каркаса для позиционирования региона в глобальной системе координат. В условиях усиливающейся конкуренции и вовлечения регионов в динамичные и — вместе с тем - противоречивые процессы глобализации планирование и управление проектной деятельностью должно подняться на новую высоту и соответствовать не только национальным, но и международным стандартам.

Сектор 3 отражает деятельность государственных по форме и ресурсам экспертных сообществ, направленную на внутреннюю среду. Он распадается на *два сегмента*.

Один из них представляет собой ряд экспертных «площадок», так или иначе встроенных в режим функционирования политических субъектов (чаще всего – в качестве их периферийных агентов). Примерами могут служить Общественная палата Нижегородской области, «прислонившаяся» к Областному законодательному собранию; Креативный Совет при местном отделении Союза правых сил, и некоторые другие инстанции. Некоторые из этих структур имеют более или менее стабильный характер, а некоторые – весьма короткую историю (к примеру, информационно-аналитический отдел, созданный политическим психологом Александром Жмыриковым в рамках мэрии Нижнего Новгорода в 1998 г. после победы на выборах главы местного самоуправления Юрия Лебедева, просуществовал всего несколько месяцев и затем был распущен).

Несмотря на формальное существование экспертных единиц, прямо работающих на органы власти, последние при решении большинства практических вопросов аналитического свойства склонны обращаться к внешним для них экспертным ресурсам. Наиболее ярким примером может служить история с разработкой трёх параллельных друг другу стратегий развития Нижегородской области. Первая из них была написана при бывшем губернаторе Геннадии Ходыреве специалистами Волго-Вятской академии государственной службы и утверждена постановлением областного правительства. Вторая – альтернативная – стратегия писалась Советом по конкурентоспособности из 100 человек, созданным по инициативе основного политического конкурента экс-губернатора спикера Областного законодательного собрания Евгения Люлина. Наконец, новый губернатор Валерий Шанцев заказал «свою» программу развития области московской компании «Стратегика» под руководством Александра Идрисова⁷. Эти примеры нам важны для иллюстрации того обстоятельства, что региональные власти, как показывает практика, сами по себе (даже при наличии в их составе соответствующих экспертно-аналитических подразделений) не являются ни носителями, ни производителями знания: оно вырабатывается по заказу и соответствующим образом адаптируется в других профессиональных сферах. Кроме того, история с тремя параллельными стратегиями развития Нижегородской области показывает, что

---

⁷ Юлия Сухонина. У Валерия Шанцева своя стратегия // *Коммерсант – Нижний Новгород*, □ 227, 2 декабря 2005 г. Стр.16.

экспертный продукт становится неким аксессуаром, которым стремится обзавестись каждый из центров властных отношений.

Второй сегмент этого же сектора «населён» вузовскими учёными. Ежегодно в вузах и исследовательских учреждениях Нижнего Новгорода реализуется несколько десятков научно-практических проектов, связанных с изучением властных отношений и политического процесса. Однако, далеко не все субъекты региональной общественной жизни поняли, что проектная деятельность может быть важным источником инновации и ресурсов развития. Несмотря на мощный интеллектуальный потенциал, нижегородское политологическое сообщество представляет собой отдельные небольшие группы исследователей, каждая из которых занимается своими собственными проблемами. Эти группы очень отличаются друг от друга и по идеологическим предпочтениям, и по политическим привязанностям. Одним из немногих примеров совместной инициативы политологического сообщества была разработка документа под названием «Повестка дня для Нижегородского парламента: политические и законодательные приоритеты областного Законодательного собрания, 2002 – 2006 гг.». Документ представил точку зрения политологов Нижнего Новгорода по вопросу о том, что должны сделать вновь избранные депутаты ОЗС за четыре года, и к каким целям им необходимо двигаться.

Серьёзной проблемой этого сегмента является существование такой модели организации профессионального знания, которую можно условно назвать «традиционной», поскольку она несёт на себе неизгладимый отпечаток советской эпохи и основана на следовании административной иерархии, существующей в научной сфере. Иерархичность пронизывает эту модель сверху донизу: начиная с принципов организации научных мероприятий, которые должны проходить под неременной эгидой «первых лиц», и заканчивая издательской деятельностью, которая имеет значение не столько с точки зрения содержания, сколько исходя из карьерной и статусной важности самого факта публикации. Отсюда — живучесть в «традиционных» научных кругах такого устаревшего и изжившего себя «книжного» жанра, как «тезисы конференции»: родившись в качестве способа облегчения восприятия докладов, он в советское время приобрёл гораздо более широкое значение, превратившись в одно из важнейших количественных подтверждений научной состоятельности учёного.

В рамках “административной формулы” репутация тоже носит преимущественно административный характер: успешное продвижение вверх по иерархической лестнице требует протекционистской поддержки в академической иерархии. Соответственно, жанр научных дискуссий и рецензий (важнейшие элементы авторитета в научной среде) в “традиционных” кругах тоже жёстко привязан к “административной формуле”, и любые отклонения от этого “стандарта” (в виде научной критики) часто трактуются как проявления нелояльности и отступления от “корпоративной солидарности”.

В политическом смысле приверженцы “административной” модели склонны к ориентации на ресурсы и возможности “партии власти”. С идеологической точки зрения, в их рядах сильны антилиберальные и антиглобализационные настроения: плюрализм и демократическое общественное устройство они справедливо рассматривают как посягательство на монолитность своих научно-административных “миров” и, в конечном итоге, как угрозу своему благополучию.

Сектор 4 указывает на такой формат деятельности неправительственных экспертных организаций, продукт которых рассчитан на внутренних потребителей, вне зависимости от того, на какие средства осуществляется эта деятельность.

Эта деятельность приводит к постепенному формированию относительно нового для регионов России «*проектного мышления*», которое базируется на преимущественно неполитических/«технических» концептах. В ПФО накопился достаточно большой опыт разнообразной проектной деятельности. Речь, в частности, идет о таких явлениях, как “Ярмарки социально-культурных проектов”, конкурсы “культурных столиц” (проводимые администрацией ПФО), социально-градостроительный проект «Ильинская слобода», инициированный С. Кириенко в период работы в должности полпреда Президента РФ в ПФО, а также о других публичных проявлениях проектной деятельности в образовательной, научной, экологической, правозащитной и иных сферах.

В Нижнем Новгороде за последние годы к проектно-ориентированным подходам обращались многие исследовательские коллективы. В частности, следует упомянуть о Центре стратегических исследований Приволжского федерального округа, Центре социально-экономической экспертизы и некоторых других организациях. Их объединяет то, что обращение к проектной терминологии рассматривается ими как ключевой элемент деполитизации социально-

экономического дискурса, его движения в сторону акцентирования внимания на «рутинных», «технических» аспектах реформирования общественных отношений. Именно этот акцент делает проектно-ориентированные подходы созвучными деполитизированной стилистике дискурса власти периода президентства В. Путина.

В то же время распространение проектно-ориентированных подходов встречается с существенной критикой, которая, прежде всего, направлена на представление о чрезвычайной «эластичности» социальной реальности, то есть, другими словами, о возможности существенных и позитивных социальных перемен при наличии некоей «технологии», то есть передаваемого и воспроизводимого набора инструментов решения проблем любой сложности. Такая критика не лишена оснований, однако, нам представляется, что дискуссии вокруг самого феномена проектной деятельности (и производных от неё политических и гуманитарных «технологий») следовало бы сфокусировать на вопросе о том, насколько чувствительными являются проектно-ориентированные подходы к местной, локальной специфике и как можно концептуализировать пределы применимости этих подходов в нестандартных, специфических условиях того или иного региона.

Другая проблема этого сектора состоит в том, что региональные "мозговые центры" должны не только насыщать рынок экспертно-аналитических услуг своей продукцией, но и формировать сам этот рынок. Траектория эта может быть описана следующим образом: от "*спонсорской*" (то есть базирующейся на благотворительности ограниченного круга меценатов) модели интеллектуальной деятельности к модели «*рыночной*», которая основывалась бы на существовании множества социальных субъектов (ими могут быть средства массовой информации, бизнес, политические партии и общественные организации), каждый из которых формирует спрос на экспертную продукцию. Для этого необходимо, чтобы:

- выпускаемый интеллектуальный товар был максимально "технологичен", то есть имел формат, который бы котировался среди потенциальных потребителей;
- добившись успеха в какой-то одной сфере, "мозговой центр" смог конвертировать полученное признание в стратегию долгосрочного развития;
- выпускаемая экспертная продукция носила регулярный характер и была должным образом прорекламирована;

- итоговые рекомендации и советы, адресованные политическим деятелям, стали плодом коллективной, сетевой работы, а значит - аккумулировали наиболее типичные подходы к решению проблемы⁸.

Примерами успешной проектной деятельности в области социальных наук с участием учёных нижегородских вузов за последние несколько лет могут служить:

→ межрегиональная программа “Гражданское общество против коррупции”. Нижний Новгород в ней представляли Центр анти-коррупционных инициатив на базе Юридического института МВД и межвузовский Центр социально-экономической экспертизы. В частности, в 2002 г. в Санкт-Петербурге прошла конференция “Межрегиональный диалог доверия”, посвящённая предупреждению коррупции и необходимости анти-коррупционной экспертизы законодательства. В Нижнем Новгороде конкретной реализацией целей этой программы стала серия обучающих семинаров в рамках проекта “Региональный бюджет: максимум открытости, минимум коррупции”, который поддерживается Институтом “Открытое общество”. Кроме того, в 2002 г. Центром социально-экономической экспертизы было издано учебное пособие “Теневая политика: преступность и коррупция в России и мире”. Важность этих проектных инициатив состоит в том, что основным условием вовлечения общественности в анти-коррупционный процесс является обладание ими хотя бы минимальными знаниями в области экономики, финансов, права и управления. Следовательно, негосударственные организации и СМИ должны быть готовы инвестировать определённые ресурсы (организационные, интеллектуальные, человеческие) в обучение и тренинг своего персонала.

→ серия проектов («Прозрачность и подотчётность в сфере военно-гражданских отношений», «Финансово-промышленные группы в регионах России: параметры деятельности», «Нефтяной сектор России: прозрачность и непрозрачность»), реализованный некоммерческим партнёрством «Русь-Эксперт-Транзит» при содействии Центра по

---

⁸ Взято из дискуссионных материалов, распространённых для участников семинара представителей НКО “Центры публичной политики: основы успешной организации и управления”. Нижний Новгород: Российский общественно-политический центр и Общественная палата Нижегородской области, 15-18 октября 2002 г.

изучению организованной преступности и коррупции при Американском университете (г.Вашингтон) с 2003 по 2006 гг. Эта проектная линия позволила нащупать те сферы исследовательской работы, в которых возможно партнёрство между политологами и нижегородским бизнесом.

→ серия проектов («Глобалисты и анти-глобалисты: взгляд из Приволжского федерального округа», «Идентичности переименованных городов России», «Мягкие и жёсткие факторы безопасности») реализованных под эгидой ассоциации «Профессионалы за сотрудничество» (нижегородское отделение) и Айрекс (Москва) в рамках программы поддержки выпускников американских академических программ. Эти проекты помогают поддерживать на должном уровне междисциплинарный диалог между различными фракциями местного экспертного сообщества, распространяя опыт выпускников на более широкую профессиональную аудиторию.

→ серия из двух проектов, реализованных под эгидой программы ИНТАС («Сравнительный регионализм: Россия – СНГ – Запад, 1995-1996 гг.) и «Концепция четырёх свобод во взаимоотношениях РФ и ЕС», 2005-2006 гг.) с участием нескольких творческих коллективов нижегородских исследователей. Европейские проекты являются примерами полноценного сетевого сотрудничества на уровне исследовательских групп (коллективов, команд). Их спецификой было то, что они стали местом встреч разных требований к профессиональным качествам и различным стандартам исследовательской работы. Европейцы, как правило, более чувствительны к контрактным обязательствам, более педантичны, требовательны и пр.; российские же учёные с гораздо большим пониманием относятся к простому «подключению» к проектам (без длительных предварительных консультаций). Другими словами, существует разница в понимании института партнёрства, а значит – разные варианты организации коммуникаций между руководством проекта и группами экспертов. Взаимодействие разных профессиональных культур при этом проявилось в том, что касается публикационной стратегии, понимания авторской самостоятельности и других элементов научной деятельности.

→ несколько всероссийских Конгрессов региональных исследований, проведённых Нижегородским исследовательским фондом в партнёрстве с рядом других организаций.

Динамика сегментов

Картина, получающаяся в результате, позволяет увидеть в её рамках определённую *динамику*, отражающую основные тренды перемен последних нескольких лет. Эта динамика принимает два различных «измерения».

Во-первых, можно увидеть эволюцию *внутри каждого из сегментов*. Поле сектора 1 (государственные организации, ориентирующиеся на внешнюю аудиторию) претерпевает изменения, связанные с начавшейся адаптацией вузов к требованиям Болонского процесса. В рамках сектора 2 проблемная динамика связана с принятием поправок к законодательству о некоммерческих организациях — они могут коснуться прежде всего те структуры, которые позиционируются в международном масштабе. Как известно, со стороны различных сегментов политической власти неоднократно звучали призывы к большему контролю за финансовыми и организационными контактами между российскими НКО и их иностранными спонсорами и грантодателями. В случае продолжения этой линии наиболее востребованным окажется сектор 4, куда вынужденно мигрируют многие некоммерческие организации экспертного профиля в поисках внутренних потребителей своего интеллектуального товара. Динамика в рамках сектора 3 будет определяться спросом во властных структурах на экспертную информацию, касающуюся наиболее острых и конфликтных зон (коррупция, профилактика терроризма, межэтнические отношения, новые параметры безопасности и т.д.).

Во-вторых, отдельный вектор, придающий динамику общей картине, связан с теми процессами, которые происходят по линии взаимоотношений между секторами. Выделив четыре сектора экспертного пространства региона, мы одновременно признаём некоторую степень упрощения такого деления, поскольку эти сектора не просто тесно соприкасаются друг с другом, но и области их покрытия часто накладываются друг на друга, что делает границы между ними достаточно условными. В результате образуются «*зоны пересечения*», каждая из которых имеет свою специфику.

Так, в зоне пересечения государственных и негосударственных организаций мы можем увидеть такого своеобразного актора, как Центр стратегических исследований (ЦСИ) Приволжского федерального округа. Дуализм этой организации состоит в том, что, с одной стороны, он был создан под эгидой бывшего полпреда Сергея Кириенко и в этом смысле

вписывался в то экспертное пространство, которое курировалось и патронировалось государством. Но, с другой стороны, ЦСИ делал попытки выйти в своём самопозиционировании за пределы «административно-политического рынка» и начал выстраивать сетевые отношения с более широким спектром российских и международных организаций.

Что касается ещё одной зоны пересечения – между организациями, ориентированными на внутренний рынок, и теми, кто мыслит себя в качестве транснациональных акторов, то она представляется весьма широкой. Это происходит оттого, что большинство проектов, финансируемых иностранными спонсорами, не просто оставляет российским исполнителям большую свободу с точки зрения тематического самоопределения и технологии действия, но и прямо ориентирует их на выработку такого интеллектуального продукта, который был бы востребован преимущественно внутри региона. В этом смысле непреодолимых противоречий между транснационализацией и регионализацией экспертной деятельности не существует.

Динамика предполагает и конкуренцию за ограниченные ресурсы, в частности – между государственными и негосударственными институтами. Так, руководство многих государственных вузов ещё не до конца оценило те принципиальные изменения, которые происходят на научно-образовательном поле. Одним из них является создание независимых исследовательских организаций, способных выступать в качестве самостоятельного юридического лица при проектной деятельности с участием российских и международных партнёров. Их преимущество (по сравнению с университетами) состоит в отсутствии бюрократического слоя, взимающего административную ренту с реализуемых проектов, в большей простоте бухгалтерских расчетов и в гибких условиях контрактной работы, позволяющей привлекать специалистов любого профиля.

Заключение

Исходя из сказанного, мы, полагаем возможным вести речь о шести базовых парных характеристиках региональных ЦПП: «профильные – непрофильные», вовлечённые в «policy» – вовлечённые в «politics», «универсальные – специализированные». Этот подход позволяет

систематизировать ЦПП, разбивая их на группы с одинаковыми наборами характеристик.

Макроструктурные силы, влияющие на качество, миссию региональных ЦПП - это: а) характеристики регионального медиа-дискурса, прежде всего характер отношений СМИ и политических экспертов, и б) характеристики публичного политического действия в регионе, прежде всего, режим функционирования института выборов, режим принятия стратегических программ и решений. В ситуации формирования новой государственной номенклатуры региональные ЦПП рискуют попасть в ситуацию изоляции от обоих полей публичной политики, могут эволюционировать в сторону академических лабораторий. Закрепится эта тенденция или нет – важный, тестовый для новой номенклатуры вопрос. Дело в том, что деполитизация публичного политического пространства в сочетании с конструированием новой номенклатурной системы может иметь два разных результата. Один может состоять в том, что система власти переходит на рационально-технологический язык диалогов с гражданским обществом и, соответственно, с экспертным сообществом тоже, но главное – не отказывается от самих диалогов, от принципа партнёрства. В этом случае ЦПП необходимо подстройка под новое наречие власти. Совершенно другой результат будет в том случае, если деполитизация публичной политики с изнанки окажется деквалификацией государственной бюрократии, когда номенклатурная лояльность будет цениться выше профессиональной компетентности управленца. Если публичная деполитизация соединится с аппаратной деквалификацией, то каналы коммуникации системы власти с внешним (не номенклатурным) экспертным сообществом будут неизбежно сокращаться. В этом случае региональные ЦПП ожидает полоса забвения.